

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXIX

Buenos Aires, martes 24 de Mayo de 1977

Буэнос Айрес, вторник 24 мая 1977 г.

№ 1421

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

О будущих русских границах

По предложению С. В. Гротова, (Алексея Ростова) среди новейших эмигрантов в Риме произошел ряд обсуждений на тему о современном положении России. Часть этих материалов была опубликована в «Нашей Стране». Ряд обсуждений прошло под моим председательством, на руинах римского форума в древней Остии.

Понятно, что внутренняя политика СССР, антирусская: советское правительство грабит и обирает русский народ, за русский счет откармливает иностранных революционеров и создает неслыханные льготы и привилегии нацменам, — малым народам, ненависть которых к России искусственно возбуждена советской пропагандой и некоторыми диссидентами. Для них созданы университеты и академии, которых лишен русский народ и их же поддерживает Запад. Только русским нет помощи.

Об исправлении положения говорили по-разному. Одни хотели национальной революции, в духе Испанской Фаланги, Испания времен Франко, вообще популярна в современной России. Другие надеялись, что инстинкт государственного самосохранения заставит советских руководителей повернуть на русский путь во избежание катастрофы. Третьи искали выход в конституционных свободах и реформах, в чисто военной диктатуре или в президентской республике американского типа. Одни хвалили Солженицына, Панина и академика Сахарова. Другие считали реальным национал-большевизм польского типа. Но панацеи лекарства от всех бед — не предлагал никто. Вагин, Болдырев и я — высказались, конечно, за монархию. Подобно Ивану Солоневичу, я приводил в пример универсализм и величие не только русской империи, но и римской.

Поднятый С. В. Гротовым вопрос о русских границах был решен более определенно. Демократы и национал-большевики в качестве исходной позиции указывали на Ялтинское соглашение, определявшее границы государственного влияния России, несмотря на сменны правительства. «20 миллионов погибших русских завоевали России буферную зону в Восточной Европе». Это был главный довод. Второе — то, что мы живем в реальном мире враждебных государств, где природа не терпит пустоты, и то, что оставим («освободим») мы — немедленно захватят и используют (против нас) наши враги. Если политика небогатой страны — России — пользуется для удержания своей империи открытой силой, то политика богатых, торговых стран, удерживающих сферы влияния обманом и силой денег (не танков) — лицемерна и еще более отвратительна. Затем, демократы уверяли, что не хотят нарушать ясно выраженную в Ялте волю американской демократии, утвердившей за русским государством (хотя и захваченном узурпаторами) законную сферу власти. Даже сторонники академика Сахарова не знали, как пересмотреть ближневосточную политику Советов, если она поддерживает «борьбу за свободу и демократию» палестинцев.

Вагин, и я в отличие от увлекающегося Болдырева, стояли на чисто охранительной позиции. Для нас несомненны права и преимущества Российской Империи, труды царей, армии, народа и Церкви. Но, как политическую реаль-

ность наших дней, мы можем признать такие жизнеспособные образования, как Польша и Финляндия. С другой стороны, в мире лжи и хищников, нельзя пренебрегать такой реальной мерой защиты, как сфера влияния. Но мы не собираемся тратить ресурсы страны на новые завоевания. Мы хотим сохранить безопасность России от мириада врагов. Наша позиция — позиция монархистов — оказалась самой умеренной.

Укрепить изоляцию от Запада хотели все, даже демократы — чтобы сохранить русское народоправие от нового нашествия «прогрессивных» идей. Ведь и в 1917 году Ленин прикатил в вагоне с того же проклятого Запада!

Свобода — это, во-первых, свобода от посторонних влияний. Политические партии, пытающиеся подчинить «избирателя» своему влиянию, и комедия «свободных» многопартийных выборов, — должны быть безусловно запрещены. Только тогда человеческая личность окажется действительно свободной, а литература очищенная от политического яда лжи, делается великой, как это было во времена царей.

Существенно сокращать теперешнее войско также никто не собирался. Демократы заявили, что они нуждаются в армии — самой большой и самой хорошей — чтобы защитить свободу; по их мнению, пример падения европейских демократий в 1929-1940 годах показал, как опасно ослаблять вооружения. Не менее нуждаются в опоре на военную силу и другие идеологии. Америка, силу которой мы все уважаем, защищена океаном и совершенством техники; Россия же при любом правительстве должна оборонять громадные территории на востоке и на западе, причем и технически нам далеко до американцев. Наконец, как бы ни велика казалась теперешняя армия, она недостаточна для обороны от китайского нашествия.

Предполагаемые реформы, несмотря на широкий диапазон мнений, сводились лишь к отказу от престижной мировой политики, выражаемой в швырянии миллиардов на ненадежных союзников. Затем страна сохранялась в изоляции, но крестьянство освобождалось и получало землю. Это, впрочем, произошло и в Польше. За сохранение сильно централизованной системы правления высказались даже демократы — чтобы опираясь на крепкую власть, распространить идеи свободы.

Под влиянием сторонников монархии было решено обратиться за дружеским советом к более умудренной опытом старой эмиграции. Вместе мы должны отыскать и определить границы России, реальную и патриотическую программу для русского государства. Но чтобы судить о народе, необходимо помнить, что существует историческое понятие — народ и внеисторическое — толпа. Мы при ответе на страницах «Нашей Страны» всех представителей русского народа и русской культуры, даже если они не монархисты. Но представители внеисторической толпы — вон отсюда! Наша газета, верная союзница Осиповского «Веча» — обсуждает наши, русские дела, в изгнании и в России. Писания, зубокаляющие по поводу того, что, мол, в темной России жрать нечего, а здесь мы де в жире купаемся и на «кадиллаках» разъезжаем, — утомительно однообразны, и до тошноты напоминают совет-

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

„ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ“

В прошлом году в Мюнхене был основан политический журнал, названный «Голосом Зарубежья» и выходящий раз в три месяца. Его редакцию составили А. Курченко, И. Мусман и проф. В. Пирожкова. С первого номера новое издание показало, что намерено соблюдать полную, абсолютную непримиримость по отношению к поработившей Россию коммунистической партии и ко всем проявлениям слабости и оппортунизма в русской зарубежной среде.

Как видится в таких случаях, нужен был некоторый срок, окончательно выявляющий облик печатного органа и позволяющий судить об его удаче или неудаче. Последний, четвертый выпуск журнала, изданный в марте с. г., дал окончательно возможность установить достигнутый редакцией высокий уровень.

Он открывается статьей главы Дома Габсбургов, эрцгерцога Отто, указывающей на существование в так называемом свободном мире тесной связи между революционной пропагандой, с одной стороны, и музыкально-вокальными программами, с другой. С эстрады Западной Европы и Северной Америки раздаются песни, преподносящие слушателям, под маской искусства, революционную агитацию.

Глубокий анализ религиозного элемента в обществе, достойном человечества, дан в переведенном с немецкого языка, но, с согласия автора опубликованного, прежде всего, на русском, доклад немецкого мыслителя Николая Лобковича. В упомянутом выпуске журнала напечатана только первая часть этого труда. В ней, между прочим, сказано, что христианство «дало миру надлежащую ему имманентную рациональность и побудило человека целеустремленно принять его как область, которую надлежит осветить».

Русский религиозно-философской мысли XX века посвящено окончание написанного А. Михайловским труда на эту тему, первые три части которого были частью первых трех номеров журнала. Особого внимания заслуживает статья

В. Пирожковой о том, как в новейшей эмиграции из СССР образовался некий «народный фронт», и продолжающий называть Россию Советским Союзом и желающий сохранить это название и в будущем. В заключительной части статьи, требующей не поверхностного чтения или частичного упоминания, а тщательного изучения, проф. Пирожкова написала: «К русской эмиграции мы хотим еще раз обратиться с призывом перестать обоготворять всех, кто теперь приезжает из Советского Союза, и понимать, что приезжают не только антикоммунисты, не только наши союзники. Иностранцы уже используют Плюща для того, чтобы попытаться доказать, что коммунизм хорош, а Россия и русский народ плохи. Если под влиянием русофобов на Западе снова начнется борьба не против страшной коммунистической идеологии, а против России, как таковой, как это делал Гитлер, если левым удастся натравить Запад на Россию, на русский народ и обелить коммунизм, то будущая катастрофа неизбежна».

Солидаризируясь с автором статьи о необходимости абсолютной непримиримости к коммунизму и применения силы в борьбе с ним, опубликованной в Нью-Йорке в № 125 «Нового Журнала», польским писателем И. Мацкевичем, «Голос Зарубежья» эту статью перепечатал в своем четвертом выпуске. В нем же опубликованы: воспоминания новейшего эмигранта Н. Чернова о «частном предпринимательстве» в СССР; написанный епископом Нафананом краткий очерк истории и этнографии Вьетнама; воспоминания писательницы Ирины Сабуровой о скончавшемся в декабре 1976 года в Германии талантливым поэте Д.И. Кленовском; очередной обзор эмигрантской печати, составленный В. Рудинским и отзвиз В. Пирожковой о книге Д. Панина «Вселенная глазами современного человека». Высокий политический и публицистический уровень журнала будет, несомненно, признан и теми, кто в чем-либо второстепенном расходится с тем или иным его сотрудником.

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

САМОЗВАНКА И МНИМЫЕ МИЛЛИОНЫ

Немецкий суд признал самозванку Анну Андерсен Великой Княжной Анастасией Николаевной. Газеты, естественно, раздули сенсацию и трезвонят о баснословных суммах якобы принадлежавших Царской Семье, находящихся теперь в Английском Банке и причитающихся «наследнице».

Существуют-ли эти миллионы?

Вот что об этом писал Великий Князь Александр Михайлович:

«У Императора Николая Второго на текущем счету в Английском Банке хранилось 200 миллионов рублей, положенных туда еще со времени Императора Александра Второго. Выросши в сознании своих обязанностей по отношению к России, Царь, ни минуты не колеблясь, пожертвовал во время войны все эти 200 миллионов рублей на содержание госпиталей и различных иных благотворительных учреждений, находившихся во время Великой войны под личным покровительством Царской Семьи. В мирное время никто не мог убедить Государя взять для себя хотя бы копейку из этого громадного состояния. Таким образом, если бы его дворцы, имения и драгоценности были национализированы, то у него бы просто не осталось никакой личной собственности. И если бы он переехал с семьей в Англию, то ему пришлось бы, чтобы существовать работать подобно каждому рядовому эмигранту».

скую пропаганду — только с обратным знаком. Прекрасные обзоры событий в мире дает Алексей Ростов. Остальная же часть газеты, мы думаем, должна быть посвящена размышлениям и фактам из русской жизни, в России и в изгнании.

Писать же о дальних странах, где нет русских, — право же не стоит, друзья. Нам нужна русская газета, для русских — ибо другой такой нет.

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

ДВИЖЕНИЕ ХУДОЖНИКОВ

«Когда искусство угнетено — война управляет народами» (Блейк). Эти слова великого поэта послужили катализатором статьи. Текст был написан во время голодовки. Мне пришлось отложить кисть. Бережная охрана хранителей порядка, заглядывавших каждый час в окна, накладывала отпечаток на живопись.

Поиски света стали казаться приторной салонностью. Потянуло на черное, коричневое, на разрушение.

Я остановил это самоистязание и взялся за перо.

Вначале я задался целью изложить позицию радикально настроенных художников и доказать, что только на этом пути можно добиться от неповоротливых бюрократов уступок. К концу же голодовки наступило великое внутреннее спокойствие. И уже не доказательства правоты радикализма просились на бумагу. Я ясно видел, что только моральная чистота и духовный подвиг спасут нас. Но перекраивать текст, уже законченный к тому моменту, не стал.

НАШИ ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ.

Ни для кого не секрет, что выставки свободных художников стали возможны благодаря мужеству участников «хеппенинга» 15. 9. 74. г. в Беляево Москва. И, конечно, нельзя сбрасывать со счета поддержку, оказанную мировой прессой, а также всю предшествующую борьбу российской творческой интеллигенции за свободу искусства.

Через две недели после Беляево власти вынуждены были разрешить выставку в Измайловском парке. Эта выставка еще долго будет служить эталоном, по которому должны равняться будущие выставки. Участие в выставке не обуславливалось местом прописки. Цензуры со стороны какого-либо ведомства не было. Самоцензура свелась к отказу выставлять произведения с так называемой «религиозной пропагандой». Но все надеялись, что к следующим выставкам художники подойдут более сплоченными, с большими силами, и это ограничение будет снято.

По следам московского прецедента группа ленинградских художников начала кампанию за выставку в закрытом помещении. Власти без долгих проволочек дали согласие провести ее с 22 по 25 декабря 1975 года. Был создан организационный комитет, куда вошли четверо от Управления культуры и четверо от художников. Этот комитет решал только организационные вопросы, не обладая правами жюри. Четыре представителя власти имущих оставили за собой право цензуры по трем параметрам: порнография, антисоветская и религиозная пропаганда.

Выставка прошла спокойно. Лишь во время ее подготовки были попытки со стороны вездесущей организации поставить художников под свой контроль. Неприкрыто действуя через художника Петровича, пытались произвести реорганизацию, устранив нежелательных лиц из организационного комитета. Переворот не удался. Художники не поддались на шантаж. Накануне открытия, на территории выставки под покровом темноты развесили картинку, наспех собранную из народных кружков живописи. Последовал решительный протест инициативной группы. Дали сообщение в прессу, что выставка находится под угрозой срыва. И балласт убрали.

Но были и значительные потери. Из списка участников исключили художников, не проживающих в Ленинграде. В их числе оказался Э. Зеленин. Никто не придавал тогда значения этому прецеденту. И только потом поняли, что искусство начали разбивать по административным зонам, что систему прописки распространили и на творчество. Художников разъединили — так легче управлять. И множество их, поодиночке и небольшими группами,

О СТАТЬЕ И О СЕБЕ

Статья о движении подсоветских художников не-соцреалистов была написана мною для внутреннего потребления. Многие переосмыслены со времени ее написания, но я оставляю статью в прежнем виде — это документ движения. Конец ее какими-то путями добрался из самиздата до журнала «Вестник РХД». Но, думаю, что моя декларативная программа, звучащая со страниц «Вестника» вне контекста целой статьи, звучит несколько странно не только для художника, находящегося сегодня в России, но и для западного читателя. Сейчас движение художников за свободные выставки в том виде, в каком оно пребывало еще год назад, разбито, и мои предложения, раньше имевшие смысл сегодня не соответствуют реальным возможностям. Год назад мы верили, что силы наши будут расти, что нас ждут впереди победы.

Познакомившись по приезду на Запад со статьями в западной прессе о нашем движении, я понял общую для них ограниченность. Во-первых, эти статьи были целиком рассчитаны на западного читателя, во-вторых, ни в одной я не встретил достаточно убедительного и делового анализа процессов, связанных с движением за свободу творчества, проходящего сейчас в России. Это движение нуждается в освещении — с тем, чтобы оно могло развиваться не только спонтанно, но и целенаправленно, учитывая ошибки, вырабатывая организующие ориентиры.

Несколько слов о себе:

Родился в 1937 г. Учился в топографическом военном училище, затем на математическом факультете.

Участвовал в выставке 29. 9. 74 года в Москве, входил в организационный комитет выставки 22-25. 12. 74 в Ленинграде. По моей инициативе было создано Товарищество вольных ленинградских художников, просуществовавшее полтора года, несмотря на террор властей. За организацию выставок на открытом воздухе и радикализм был лишен права на участие в официальных выставках. Неоднократно подвергался арестам. Объявлял неоднократно голодовки. Издавал самиздатовский журнал «Петербургские встречи». В 1975 году был поставлен перед выбором выехать или на Восток или на Запад. Когда угроза приобрела реальные очертания (меня и жену на год в тюрьму, а детей в приют) за «нарушение паспортного режима», которое они же и постарались создать — выписали с того места, где я прожил всю жизнь — пришлось покинуть родину.

29-го сентября прилетели в Вену. И в первое же мгновение наглядно понял: из тюрьмы попал на волю.

В настоящее время проживаю в США.

ИГОРЬ СИНЯВИН

ипами, раскиданных по России, остались отныне брошенными на произвол.

Лишь словесными возражениями отделались, когда представители официальной части организационного комитета потребовали снять произведения с остро социальным и религиозным содержанием.

Начавшиеся в ноябре-декабре в Москве переговоры о выставке в закрытом помещении заглохли. Те, кто держал в своих руках инициативу, получив выставку в ЦДРИ и в павильоне пчеловодства в ВДНХ — отказались от хлопот с общемосковской выставкой.

В январе 1975 года группа художников из Петербурга и Москвы объявила о всесоюзной выставке которая должна состояться в мае месяце.

Но это был уже не сентябрь 74 го года.

Со стороны властей на все запросы о выставке следовал категорический отказ. Новые вожди художников не решаются брать крепость штурмом. «Возьмем измором!» В марте на частных квартирах в Москве устраивают просмотры работ: для отбора на «будущую всесоюзную выставку». Эта тактика крепость не поколебала, зато среди штурмующих посеяла разброд.

Понимая, что дело проиграно, группа московских художников 4-го мая неожиданно объявляет, что всесоюзная выставка будет проведена на открытом воздухе в Ленинграде: они пытаются сохранить свое лицо, свалив на соседа проигранную партию.

В Ленинграде членов Ленинградского организационного комитета вызывают по одиночке в УВД и там предупреждают, что за проведение выставки без разрешения Управления Культуры они будут судимы по ст. 190 п. 3 УК (От ста рублей до 3-х лет).

16-го мая на общем собрании организационный комитет сообщает, что Управление Культуры отказало в выставке в закрытом помещении в 1975 году: «Наши планы на весь 75-й год уже составлены. Изменять их не будем. Выставка ваша возможна лишь в 1976 г.»

Обсуждается далее вопрос о всесоюзной выставке. Зачитывается письмо Рабина, в котором он сообщает, что его сына могут забрать в армию и что лезть грудью на дзоты не следует — лучше отсидеться в окопах.

И все же часть ленинградских художников на этом собрании решает, что объявленная выставка стала вопросом чести, что ни на какие запугивания они не поддадутся. Отступление считают не мудрой тактикой, а позорной сдачей позиций. «Если не найдем в себе мужества, то это будет началом общего падения».

На следующий день Ленинградское Управление культуры вызывает к себе представительную группу художников и забирает свое заявление от 14-го мая: «Вы нас неправильно поняли. Выставка возможна осенью этого года. Но чтобы 25 мая все было спокойно».

И вот группа соглашателей начала бегать между Управлением и теми, кто заявил, что выставка не предмет для спекуляций. Оставшихся в меньшинстве уговаривают и выторговывают за их счет у Управления культуры более благоприятные условия осенней выставки.

Попытка выставки на открытом воздухе, назначенная на 25 мая, была сорвана. Одних арестовали, других не выпустили из дома.

20 августа Управление культуры объявляет представительной группе художников, что выставка может состояться с 10 по 20 сентября, если в ней не будут участвовать трое художников, наиболее решительно проявивших себя 25 мая — Лисунов, Синявин, Филимонов. Инициативная группа, а затем и собрание, «общего блага ради», приносит их в жертву.

Следует заметить, что одним из категорических условий первой ленинградской выставки было решение общего собрания: «От выставки в помещении отказываемся, если из нашего списка участников будет исключен хотя бы один человек по политическим мотивам... В этом случае устраиваем ее на открытом воздухе.»

Чтобы сохранить свое лицо, общее собрание художников направляет письмо в Управление культуры с просьбой пересмотреть решение относительно исключения троих. При этом поручило представительной группе согласиться на выставку, если последует категорический отказ.

Итак, отныне право решать, кому быть на выставке, кому не быть, передоверялось Управлению культуры.

Если организация выставок пойдет по этому пути, то выставки станут средством контроля и опеки над художниками и тем самым будут подавлять свободное независимое развитие искусства.

Управление культуры разъяснило смысл своего решения: «Если эти трое будут вести себя прилично, то на следующую выставку возьмем».

Бюрократы развращены властью, они, видимо, понимают свое положение как положение господ, призванных воспитывать и наставлять своих подданных. Мы, по их убеждению, шалуны детишки, не понимающие своего же блага. Они видят себя отцами-наставниками с хлыстом и пряником в руках.

У них пропал страх, когда выставки свободного искусства казались им громом среди ясного неба. Теперь они потирают руки от удовольствия, наблюдая, как выставки становятся средством расширения и углубления их власти. Им кажется, что она дотянется туда, куда раньше не проникала — в душу человека, утверждающего через творчество свою свободу.

Если этой претензии не противопоставить моральную бескомпромиссность, то российскому свободному искусству грозит чрезвычайная опасность. Выставки вместо средства завоевания свободы творчества превратятся в инструмент духовной кастрации авангардистов.

9 сентября Управление культуры Ленинграда спохватилось. Пытаясь замаскировать свое самоуправство, оно потребовало от ленинградских художников под угрозой закрытия выставки осудить троих исключенных. Художники отказались. И ничего не случилось — выставку не закрыли.

Протестуя против решения Управления культуры, я объявил на все протяжении выставки, с 10 по 20 сентября, голодовку. Филимонов в знак протеста жег свою работу.

В Москве события повторились. Радикально настроенная часть художников добивается уступок от властей, а соглашатели, спекулируя на их бескомпромиссной позиции, вылезают вперед. Украшают себя лаврами победителей, убеждая всех и самих себя, что это их мудрая тактика привела к столь блистательным результатам. «Мы тоже ратуем за чистоту и свободу искусства.»

Но соглашателей и радикалов разделяет не столько средство и методы, сколько цели. Последняя мечта соглашателя — желание продаться подорожке с минимальным риском. Их не волнует, по какому пути будет развиваться движение художников — лишь бы держаться на поверхности. За кусок пирога можно поступиться честью, идеалами.

Переговоры о всесоюзной выставке в Москве, которые велись с апреля

КОВ НЕ-СОЦРЕАЛИСТОВ

по август Однораловым, ни к чему не привели. Да и что другое можно было ожидать от униженного попрошайничества?

По его мнению, от властей можно добиться выставки, если художники будут придерживаться следующих принципов:

1. Всем художникам, учитывая объективную реальность, (по-видимому, в том ее аспекте, что подсказывает давняя российская мудрость — «плетью обуха не перешибешь») нужно подписаться (!) под изъявлением лояльности по отношению к официальной идеологии.

2. Главное направление, по которому нужно двигаться, — прорыв авангардистов в СХ. А когда будет осуществлен этот великий план — всем станет хорошо. Заказы будут распределяться по справедливости — только своим, понятие же «соцреализм» окончательно станет неопределенным и не будет колотить глаза сидящим на двух стульях.

3. Первый шаг в этом направлении этих грандиозных планов — закрытая выставка авангардистов для просмотра членами СХ.

Затратив несколько месяцев на бессмысленное обвинение порогов различных бюрократических учреждений, Одноралов уже не может скрывать, что его закулисные переговоры послужили для Управления культуры и Министерства культуры средством оттянуть время. Группа художников (Зеленин, Куркин, Нагопетян, Снявлин), заставив Одноралова признать ошибочность своих методов, взяла инициативу на себя. В Министерстве культуры эта группа заявила, что приближается знаменательная дата — 15 сентября. И если художники не получат твердых гарантий на подходящее помещение для общероссийской выставки до этого числа, то они устроят выставку на прежнем месте в Беляево. Произошла серия встреч. Казалось дело вышло из нулевой точки. Но неожиданно Министерство культуры дало 24 августа категорический отказ.

Представительная группа созывает открытое собрание на 1 сентября в Беляево. Все делается гласно, и открыто. И Одноралова срочно вводят в игру — вызывают в Управление культуры. Он направляется туда, несмотря на то, что его предупреждали не вести переговоры в одиночку, и на общее собрание приносит предложение организовать выставку в октябре месяце. Без иногородних.

Но собрание постановляет:

1. Считать 15 сентября Днем Свободного Художника. В честь этой знаменательной даты каждое второе воскресенье сентября отмечать выставками на открытом воздухе. В Москве предстоящую выставку провести 14 сентября на прежнем месте около метро «Беляево». 14 сентября не превращать в предмет спекуляции на предстоящих переговорах о выставке в закрытом помещении и не шантажировать властей этой датой, чтобы добиться от них уступок. С другой стороны, не поддаваться на запугивания: «не отмените 14 сентября — не получите помещения».

2. Не соглашаться на выставку без участия художников из других городов. Не устраивает и октябрь. Согласны лишь на сентябрь. В случае, если возникает сложная ситуация — созвать общее собрание.

Известия о предстоящей выставке в Беляево понеслось в эфир. Разночтения в сообщениях отражали внутренние противоречия движения.

3-го сентября перед входом в Управление Нагопетян, Куркин и Одноралов всеми силами пытаются отделаться от участия на переговорах представителей из других городов. Последние теперь могут убраться на свою территорию. Попугали бюрократов сбором свободных художников со всей России — и хватит.

В Управлении предлагается выставка на 20 сентября без иногородних. Начальник Управления предупредил: «Будет Беляево — не будет выставки в помещении.» И в Москве повторяется то же, что было в Ленинграде. Тех, кто решил остаться верным данному слову, начинают травить с двух сторон. Дело дошло до провокационных скандалов, до угроз. До попыток сбора подписей под доносом — этим занялась Лариса Пятницкая. Не отказавшихся от выставки 14 сентября в Беляево, эта филиппика зачисляла в ряд политических диссидентов, и каждый подписавшийся подтверждал своей подписью идеологическую и прочую лояльность.

Одноралов и Нагопетян предупреждали художников, что те, кто выйдет 14-го, лишат себя права участвовать на выставке 20 сентября, поскольку, мол, ставят под угрозу с трудом завоеванную победу.

Дальнейшие события: группа художников — Гаврилов, Зеленин, Снявлин, Лепин, Стрельников — подает председателю Моссовета уведомление о предстоящей выставке на открытом воздухе 14 сентября.

Ответ поступил в виде предупреждения всем подписавшимся под письмом, что за активное участие в общественных беспорядках они будут судимы на основании ст. 190, 3 ч. УК.

Зеленина арестовали на десять суток, с 10 по 20 сентября, за то, что он «вырвал руку, когда его любезно приглашали в милицию». Снявлина держат под домашним арестом с 11 по 16 сентября. Арефьева снимают с поезда и отвозят под домашний арест с 13 по 14 сентября. К Гаврилову приходит назвавшийся врачом человек и напоминает о существовании знаменитого института им. Сербского. Стрельникова заставляют выехать из Москвы, а Лепина неотступно сопровождает милиция.

К назначенному месту добрался один Филимонов. Пожертвовавший своими гренадерскими усами, с картинами, свернутыми в рулон и спрятанными за пазухой, он сумел обойти все заслоны и сообщить зрителям и корреспондентам, что дух художников не сломлен.

Да, немногочисленная рать собралась на знаменитом поле.

Радикально настроенным художникам приходится признать, что одной чистоты принципов, моральной бескомпромиссности и решимости идти до конца, — мало. Нужно учитывать реальность и не отрываться от большинства, чтобы не оказаться в одиночестве.

Но пусть соглашатели не радуются успехами и не приписывают их себе.

Если им, действующим в полном единодушии с бюрократами, удастся подавить представителей противоположной точки зрения, то все свободные художники будут поставлены под жестокий административный контроль, а начавшееся движение в искусстве будет интегрировано в официальную систему и начнет выполнять ту же функцию, что и соцреализм.

17 сентября нескольким участникам ленинградской выставки предложили вступление в СХ. В Москве подачки посыпались много раньше. Выбор, естественно, пал на тех, чья живопись близка к реализму. Это смutilo умы.

Вступление в Союз Художников — дело, конечно, личное. Остаться ли независимым от полухудожественной-полупартийной организации или соблзнить на те льготы, которые она представляет — в этом выборе каждый сам себе судья. Но если эти перебежчики будут заправлять органи-

зационными делами свободных художников, то они невольно будут выполнять роль «капо».

ИСКУССТВО И ДУХ

Качественное новое в искусстве может возникнуть лишь на основе общего духовного обновления. Глубина и значимость творчества художника находится в прямой зависимости от приближения его Души к Богу. Всякое забвение этой истины неизбежно ведет к иссушению творческого родника. Искусство художника, утратившего понимание духовной основы искусства, превращается в пустое формотворчество, в комбинаторное повторение надежды найденных приемов и способов организации материала.

Творчество — это путь, по которому личность идет к непосредственному постижению Истины. Творческий акт художника является молитвой, приближающей его к Высшему Творцу.

Только через творчество возможно исполнение Высшего Долга — заполнение Бытия Смыслом и Целью. На художника (человека творящего) ложится ответственность перед Миром — через его кисть, перо, слово — Дух воплощается в Мире.

Мы поставлены в чрезвычайно трудные условия и стоим перед фактом внутренних противоречий. И потому найти общую методологическую основу для объединения мы можем только осознав глобальные цели творчества. Лишь предпринимая усилия в этом направлении, разноликая творческая интеллигенция может сохранить свою моральную чистоту и успешно противостоять включению себя в антидуховную усредненность.

Законсервированную демагогию мы можем успешно преодолеть, лишь ориентируясь на постоянно обновляющиеся духовные ценности. Нас не спасет ориентация на искусство, замкнутое в самом себе, опирающееся лишь на критерии чистого обновления, на принципы постоянной смены форм, на неповторимость и замкнутое своеобразие. Мы не на ярмарке, где для привлечения покупателя необходим калейдоскоп, балаган. Мы живем в непрерывной пограничной ситуации. И можем отстоять свое право на жизнь (тождественную для нас возможности творить) лишь в абсолютном духовном напряжении, в постоянной способности к жертве. И потому наши произведения не могут быть результатом чистого формотворческого процесса они должны быть следами, оставленными нами на пути обретения и становления нашей Веры.

Мы созидатели, а не защитники готовых крепостей. Наш диалог — диалог друг с другом, и нам нужно отказаться от оцепеняющей, взаимогипнотизирующей связи жертвы и палача. Критерием правоты становится не страдание, а красота преображенного нами мира.

Среди детерминированного окружения мы можем существовать и продвигаться опираясь на мистическое проникновение в логику органической целостности общественной жизни. Опора на право — не наше оружие. Демагогию можно преодолеть лишь ясностью и интуицией. Инстинктивному хищничеству мы можем противопоставить нашу способность действовать в духовном плане.

Духовное в искусстве — не тождественно иллюстрациям на религиозные сюжеты. Мера духовности в произведении — тайна создателя. Проникнуть в сущность произведения можно лишь через откровение и сотворчество. Наш зритель — не толпа, в немом восторге стоящая на коленях перед непостижимым чудом. Сейчас время искусства, которое вызывает ответную творческую реакцию. Воспринимает адекватно лишь тот, кто реагирует на творчество — творчеством. Искусство сегодняшнего дня — мяч, летящий в голову. Кто отбивает — участвует в великолепной игре, кто стит, опустив руки — тому разбивают лицо.

ИСКУССТВО И СВОБОДА ЛИЧНОСТИ

Свобода личности осуществляется через Творчество и в Творчестве. Творчество — это реализованная Свобода, вне Творчества нет Свободы. Кто не творит — тот не свободен. Лишь человек творящий — свободен.

Только то творчество есть Творчество, которое внутренне свободно и бескомпромиссно. Не может быть творчества по принуждению, по инструкции.

Свобода личности заключается в реализации потенциально заложенной внутри каждого способности к Творчеству. Первичным для обретения Свободы являются усилия в создании произведений искусства. Борьба за благоприятные внешние условия вторична.

Кто не осознает необходимости усилий на пути продвижения к Свободе — тот не свободен. И потому производитель массовой идеологической культурной продукции, рассматривающий свой труд как социальный заказ или как способ добывания денег — закабален не только внешне, но и внутренне. Его выслуживание — преступление, он подавляет и закрепощает других.

Творчество — постоянно самоуглубляющийся и внутренне самоочищающийся процесс. Как только происходит остановка, прекращение поиска — начинается ремесленничество. Любая истина в искусстве, любые его формы и методы, как только закрепляются, канонизируются — начинают работать на демагогию, как способ власти над массовым сознанием.

Каждому изначально дан талант. И с каждого спросится, не зарыл ли он его в землю. Модернизм (понимаемый как современное искусство) совершил революцию в области реализации Свободы — он безгранично расширил сферу искусства. Отныне всякая личность в своей неповторимой индивидуальности обладает широким арсеналом средств для самовыражения, для осуществления Свободы. Модернизм показал, что степень значимости произведения не может отсчитываться по шкале профессионализма и академизма. Вся проблема теперь сводится к обретению собственного мира творчества, своего личного, неповторимого способа созидания. Каждый обязан внести лепту на алтарь искусства. И не важно, мала или велика она — она должна быть чиста и не уворована. Все, исполняющие этот высший долг, равны между собой. На своих плечах поддерживают они небосвод духа. Всякий погубивший свое человеческое достоинство — мертв.

Художник, как личность творящая, идет впереди общества. Он всегда в оппозиции к этому усредненному конгломерату. Активное противостояние художника заставляет общество бороться с чужаком, выбившимся из тьмы. Если же его не удастся подчинить или победить, то общество пытается что-то изменить в себе, чтобы избежать кризиса. Так осуществляется общественный культурный прогресс.

Мы должны осознать свои духовные корни. Нам нужно знать свою историю, продолжить и развивать традицию наших предшественников. Но уже можно определенно сказать, что нашей основой не может быть ни позити-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЕПИСКОП ПАВЕЛ

Нам пишут из Мюнхена:

В состоянии здоровья правившего частью западно-германской епархии русской зарубежной Церкви епископа Павла наступили новые осложнения, вызвавшие необходимость его вторичного лечения в специальной больнице в Лондоне.

Болезнь названного иерарха исключает возможность его назначения на должность секретаря Архидиоцезисского Синода зарубежной Церкви. Обязанности эти исполняет протопрезвитер Георгий Граббе со званием секретаря Синода.

А. ЛЕВИТИН

Нам пишут из Женевы:

Проживающий в Цюрихе новейший эмигрант из СССР А. Левитин опубликовал «Обращение ко всем верующим христианам, ко всем честным людям», в котором назвал «гнусной клеветой и вздорными выдумками» статью сотрудника московской «Литературной газеты» Бориса Рощина о священнике Глебе Якушине и Александре Огородникове.

Обратившись к иерархам православной, католической и англиканской Церквей, к протестантскому духовенству и деятелям, к мирянам всех христианских исповеданий, А. Левитин написал: «Помогите честным людям, которым угрожают новые инквизиторы, не желающие примириться с тем, что имеются люди, думающие не так, как они».

То же обращение Левитин адресовал «демократам, социалистам и честным коммунистам», не указав, каких коммунистов он считает «честными».

А. АРТУКОВИЧ

Нам пишут из Вашингтона:

Управление по вопросам иммиграции и натурализации вновь, после долгого перерыва, приступило к рассмотрению дела 77-летнего бывшего министра внутренних дел в хорватском правительстве усташей Андрея Артуковича, обвиняемого в истреблении сербов и евреев в

СПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

□ После долголетних исследований, учёные установили наследственную особенность веснушек. Нам бы их заботы!..

□ Завод ТОЙОТА с птичьего полёта: около 45000 рабочих, одинаково обмундированных. Их зарплата вдвое меньше рабочих Фольксвагена, но забастовок не было 25 лет, потому что расходов втрое меньше. Об этом заботится завод, предоставляющий дешёвые квартиры со всеми удобствами, в которых живут 260 000; около завода вырос целый город с дешёвыми магазинами, ресторанами, детскими

площадками, школами, клубами, театрами, кино и спортивным комплексом, включающим все виды спорта, с футбольным полем, теннисными площадками, бассейнами и оборудованным, не хуже Монреальского, стадионом на 10 000 мест. На заводе работают только мужчины, не считая подсобного и медицинского персонала. Каждый рабочий пользуется правом купить одну из 10 моделей машины по себестоимости. Ежегодно расходуется не менее 3 миллионов премиальных. Американские Дженерал Моторс и Форд, немецкий Фольксваген, итальянский Фиат, французский Ситроэн и др. испытывают промышленный спад, а японец Тойота за последний год поднялся на 10 %, выпустил с конвейера около двух с половиной миллионов легковых, грузовых автомобилей и автобусов. Те, что говорили «немец обезьяну выдумал», начинают колебаться: не японец ли?

ФИЛИН

годы оккупации Югославии германскими войсками.

В 1952 году Артукович, живущий в Калифорнии, был признан виновным в этих преступлениях и приговорен к высылке из Соединенных Штатов, но его депортация была приостановлена на том основании, что в Югославии ему угрожала кара смерти. Ныне упомянутое управление уведомило Артуковича, что оно отменило свое прежнее решение и намерено его депортировать.

Артуковичу представляется возможность апелляции в высшие административные инстанции, а, в случае их неблагоприятного для него решения, обращение к суду с ходатайством об отмене этого решения.

ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

Нам пишут из Мюнхена:

По сведениям из Москвы, в СССР продолжают вооруженные столкновения между милицией и лицами, о числе и побуждениях которых советская печать умалчивает. Факты таких столкновений становятся известными только в связи с опубликованием указов президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами убитых или раненных чинов милиции.

В последнем из таких случаев орденом Красной Звезды был награжден помертно лейтенант милиции Леонид Теремецкий «за самоотверженные действия и мужество, проявленные при исполнении служебного долга».

ПРОДАЕТСЯ ГРЕЧНЕВАЯ КАША (ИМПОРТИРОВАННАЯ)

Обращаться к:

Don GREGORIO, CONESA 3133, Capital, Tel. 88-7353, 701-3630

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Соредактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Телефон Редакции: 52-7426.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция возвращает присланные ей материалы

Редакция «Нашей Страны» сердечно благодарит Константина Антоновича Асеева, который во время своего пребывания в Чили собрал и передал Редакции подписную плату, пересылку которой чилийские подписчики никак не могли наладить.

Редакция «Нашей Страны» с благодарностью подтверждает получение подписной платы в чилийских эскудо от следующих лиц:

От г-на Погорелова — 300, г-на Емельянова — 200, г-на Чирибилова — 200, г-на Солотухина — 200, г-на Аветикиана — 200.

С. К. ПРОСИТ

Т. Н. КОСТКО ОТВЕТИТЬ

НА ЕГО ПИСЬМО

бизм, ни рационализм. К этому же склоняют и прагматические доводы: нас окружает идеология, пытающаяся подменить собою реальность. Российское общественное сознание не накопило практики советского, демократического, правового существования. Это слоеный пирог, составленный из остатков смеявшихся друг друга официальных идеологий. Они трансформировались и отложились в народном сознании, закрепились во внешних культурных формах. И поэтому в этом контексте нашим языком может быть лишь язык ценностных понятий.

Наша утопия, наше видение — это организация общественной жизни как художественного праздника, как духовной мистерии, как грандиозного спектакля, в котором все творцы сольются в общем единстве.

Мы не должны вмешиваться в сферу политики. Мы оставляем власть имущим мир несвободы. Пусть они занимаются миром снятых форм, пройденных и оставленных нами идей. Мы же будем творить и расширять мир духа, свободы.

Чтобы отстоять свое право на существование и на творчество, художники вынуждены объединиться. Тогда они представляют из себя силу, с которой аппарат управления обществом вынужден считаться. В той мере, в какой государство является правовым, художники могут уповать на формальное законодательство. Чем менее государство опирается на право, тем более оно считается лишь силой.

Но объединение художников важно прежде всего для создания духовного окружения — соприкосновение творящих личностей вызывает генерацию энергии.

Это сообщество должно строиться на таких принципах, которые обеспечили бы творческий контакт и одновременно гарантировали бы независимость каждого члена от сообщества. Это достижимо лишь при организации, признающей равное право на существование всякого направления в искусстве. Всякое направление претендующее на монополию в искусстве должно быть осуждено как пособник и вдохновитель системы тотального рабства.

Художник, искусство в целом, организация свободных художников — должны сопротивляться любым попыткам интеграции их в общество, в государственные институты, в систему официальной идеологии. Насколько происходит подобная интеграция — настолько теряется Свобода, утрачивается Творчество.

Художник, не нашедший в себе сил для сопротивления, превращается в детерминированного, обезличенного индивида. Искусство такого художника становится украшением кандалов и решеток по последней моде.

ПРЕДСТОЯЩИЕ ЗАДАЧИ

1. По-видимому, общей выставки, которая бы включила москвичей и ленинградцев и художников из других городов, в ближайшее время добиться будет невозможно.

Требовать ее можно только на основе общего согласия всех художников и при твердом руководстве, в котором соглашательские элементы не будут в большинстве. Нам нельзя останавливаться. Как только выставки станут общепризнанной традицией и будут внесены в план Управления культуры и административное сознание согласится с этим фактом, власти начнут забирать все в свои руки. Художники должны постоянно двигаться вперед

— добиваться общих выставок художников различных городов, требовать международной выставки и т. д.

2. Сейчас возникает необходимость осмысления начавшегося возрождения в изобразительном искусстве. Пока существуют разрозненные попытки, их следует объединить в единый журнал. После подбора материалов до бавиться легального его издания.

3. Организация художников.

Ленинградские художники в своих организационных формах обогнали аморфные и спорадические образования москвичей. У ленинградских художников регулярные собрания, выборные органы. Они предпринимают усилия получить официальный статус. Власть признает организацию ленинградских художников де-факто.

Партизанские формы москвичей, при которых они собираются вместе, когда возникает острая нужда, может, и удобны для сохранения духа вольницы, но негодны для разрешения всего комплекса задач, стоящих перед художниками. А нужда не только в выставках. Свободным художникам нужно получить те же права, какими обладают художники Союза Художников: регулярные выставки, продажа работ через художественные салоны, право на снятие мастерских, право свободно заниматься творчеством, право поездок за границу. Для всего этого нужно постоянное руководство, которое занималось бы всем комплексом дел. Организация художников не должна быть слепком с СХ. Она должна строиться на признании равноправия каждого направления в искусстве. Ее целью должно быть обеспечение творческой независимости каждого художника, а также условий для свободного и плодотворного развития искусства.

4. Объединение творческой интеллигенции.

Общее возрождение искусства возможно только при объединении всей творческой интеллигенции. И такие группировки уже складываются. Нам нужно объединиться, на общей духовной основе, а не только по принципу профессиональной принадлежности. Именно от усилий этих групп следует ждать создания теоретической, духовной базы начавшегося возрождения в искусстве. Без этой основы, которая задаст новые цели и новые ценности искусству, наше национальное искусство никогда не поднимется до уровня общечеловеческого.

5. Связь с мировой творческой интеллигенцией.

Искусство не знает границ. Развитая культурная творческая личность воспринимает свою духовную родину как единую, лишенную национальных границ и национальных споров. Только свободное творчество создаст мир без войн. Там же, где «искусство угнетено — война управляет народами» (Блейк).

Нам жизненно важна поддержка мировой интеллигенции. На нее можно рассчитывать, если цели нашего движения будут высокими, моральная основа — чистой

А зарубежная интеллигенция должна понять, что в России решается и ее судьба. Если личность не сможет в условиях углубляющегося тоталитарного подавления отстоять свою свободу и возможность духовного развития, — возникшая модель цивилизованного неграба станет всеобщей опасностью.

ИГОРЬ СИНЯВИН